

СТИВЕН
КИНГ

СТИВЕН КИНГ

Роза Марена

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
К41

Серия «Темная башня»

Stephen King
ROSE MADDER

*Перевод с английского Т. Покидаевой и Н. Гордеевой
под общей редакцией Т. Покидаевой*

Художник В. Лебедева

Компьютерный дизайн А. Смирнова

Фото автора на обложке: Shane Leonard

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К 41 Роза Марена : [роман] / Стивен Кинг ; [перевод с английского]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 544 с. — (Темная башня).

ISBN 978-5-17-118097-3

Четырнадцать лет Розы Дэниэльс была замужем за тираном полицейским. В один прекрасный день она решила — хватит. Но муж считал иначе: как охотник травит добычу, так и он преследовал ее, мало-помалу сходя с ума от ненависти.

И тогда Розы, спасая свою жизнь, ушла в воображаемый мир, где стала совсем другой женщиной — Розой Мареной.

А погоня продолжалась...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-118097-3

© Stephen King, 1995
© Перевод. Т. Покидаева, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Посвящается Джоан Маркс

*На самом деле, я Розы.
Настоящая Розы, вот так.
Со мной шутки плохи, приятель.
Прими это просто как факт...*

Морис Сендак

*Кровавый
яичный желток. Дыра, обожженная
по краям,
расползается по простыне.
Взбешенная роза грозит расцвести.*

Мэй Свенсон

Пролог

ЗЛОВЕЩИЕ ПОЦЕЛУИ

Она сидит на полу в углу и пытается вдохнуть воздух. Еще пару минут назад в комнате было так много воздуха, но теперь его нет совсем. Откуда-то издалека доносится тихий свистящий звук. Она знает, что это воздух входит ей в горло и выходит обратно чередой лихорадочных сбивчивых вздохов. Но ее все равно не покидает чувство, что она тонет. Здесь, в углу гостиной. Глядя на разорванную книжку в мягкой обложке, которую она читала, когда муж вернулся домой.

Ей уже все равно. Боль настолько сильна, что у нее просто нет сил беспокоиться о каких-то незначительных мелочах. Вроде того, что ей нечем дышать или что в воздухе, который она вдыхает, как будто и нет воздуха. Боль поглотила ее, как — по Библии — кит поглотил Иону, того пророка, уклонившегося от божественного поручения. Боль похожа на ядовитое гжучее солнце. Она пульсирует где-то в глубинах ее естества. В том самом месте, где до сегодняшнего злополучного вечера было лишь мягкое и спокойное ощущение новой жизни, что растет у нее внутри.

Такой страшной боли она не испытывала никогда. Даже тогда, лет в тринадцать, когда она резко развернула свой велосипед, чтобы объехать рытвину на дороге, а в результате упала, ударилась головой об асфальт и заработала шрам длиной ровно в одиннадцать швов. Она помнит, как это было: серебристая вспышка боли и искрящееся темное удивление, которое последовало за ним и которое на самом деле оказалось обычным обмороком... Но та боль не идет ни в какое сравнение с этой болью. С этой кошмарной агонией. Она держит руку на животе, и плоть под рукой уже не похожа на плоть. Как будто кто-то вспорол ей живот и вместо живого ребенка положил туда раскаленный камень.

Она думает: *Боже, пожалуйста, сделай так, чтобы с ребенком ничего не случилось.*

Но теперь, когда дышать стало немного легче, она понимает, что с ребенком *уже случилось* что-то нехорошее. Он — ее муж — постарался на славу. Когда ты беременна на четвертом месяце, ребенок еще не отдельное существо. Ребенок — он часть тебя. И когда ты сидишь в углу, и твои волосы липнут к влажным от пота щекам, и у тебя ощущение, словно ты проглотила горячий камень...

Что-то течет по бедрам с внутренней стороны. Это похоже на поцелуи. Скользкие, мокрые и зловещие.

— *Нет*, — шепчет она. — Господи, *нет*. Боженька миленький, *нет*.

Она думает: *Пусть это будет пот. Пусть это будет пот... или пусть я обмочилась. Да, наверное, так и есть. Когда он ударил меня в третий раз, мне было так больно, что я обмочилась и даже не обратила внимания. Пусть будет так.*

Только это не пот. И она вовсе не обмочилась. Это кровь. Она сидит на полу в углу гостиной и смотрит на разорванную пополам книжку. Полкнижки валяется на диване, полкнижки — под журнальным столиком. А ее чрево готово извергнуть ребенка, которого до сегодняшнего злополучного вечера она носила в себе безо всяких проблем и жалоб.

— *Нет*, — стонет она. — *Нет*. Господи, ну пожалуйста. Скажи, *нет*.

Она видит тень мужа. Искореженную продолговатую тень, похожую на огородное пугало или на тень повешенного. Она пляшет и корчится на стене арочного коридора, который ведет из гостиной в кухню. Она видит тень — телефонную трубку, прижатую к тени-уху, и длинный закрученный телефонный шнур, тоже тень. Она даже видит, как его тени-пальцы распрямляют мягкие завитушки шнура, на мгновение замирают и отпускают шнур, так что он снова закручивается в спираль, словно бы по привычке — вредной привычке, от которой никак не избавишься.

Поначалу она решает, что он звонит в полицию. Но это, конечно же, полный бред. Ведь он *сам* полицейский.

— Да, это срочный вызов, — говорит он. — Красавица, я повторяю: мне надо срочно. Она беременна. — Он слушает, перебирая пальцами телефонный шнур, а когда заговаривает

опять, в его голосе явственно слышатся нотки раздражения. Всего лишь слабые нотки, но она знает, что это значит. Ей снова становится страшно. Во рту появляется противный металлический привкус. Кто посмеет ему возражать? Кто посмеет с ним спорить? Кому хватит ума пойти ему наперекор? Только тому, кто его не знает. Тому, кто не знает его так, как знает *она*. — Разумеется, я понимаю, что ее нельзя трогать с места. Вы меня за идиота считаете?

Она запускает руку под платье и осторожно ведет ее вверх, по бедру — к промокшим горячим трусикам. Она твердит про себя: *Пожалуйста*. Сколько раз она мысленно повторила это заветное слово после того, как он вырвал у нее книжку? Она не знает. Но вот опять: *Пожалуйста, Боже. Сейчас я дотронусь до этой жидкости, и пусть рука будет чистой. Пожалуйста. Сделай так, чтобы рука была чистой.*

Но когда она достает руку из-под платья, кончики пальцев красны от крови. Она смотрит на свою руку, и ее скручивает кошмарный спазм боли. Как будто ножовка вонзается прямо в живот. Ей приходится стискивать зубы, чтобы заглушить крик. Она знает, что в этом доме кричать нельзя.

— Хватит уже полоскать мне мозги. Вы можете просто при-слать машину?! И побыстрее! — Он швыряет трубку на рычаг.

Его тень разбухает и дергается на стене. И вот он уже стоит в проходе. И смотрит прямо на нее. Его глаза на красивом разгоряченном лице не выражают вообще ничего. Они как осколки стекла на обочине заезженного проселка.

— Нет, вы посмотрите на это. — Он разводит руками и роняет их с тихим хлопком. — Ну и бардак.

Она протягивает к нему руки, чтобы он увидел кровь у нее на пальцах. Она никогда не решится обвинить его напрямую. Ее хватает только на то, чтобы показать ему свои руки.

— Я знаю. — Он говорит это так, как будто то, что он *знает*, само по себе все объясняет. Как будто все, что сейчас произошло, это нормально, рационально и объяснимо с точки зрения здравого смысла. Он поворачивает голову и смотрит на разорванную пополам книжку. Берет половинку, лежащую на диване. Наклоняется и поднимает с пола вторую половинку. Потом он выпрямляется. И теперь ей видна обложка. На обложке изображена женщина в белой крестьянской блузке. Она стоит на носу корабля. Ветер красиво раздувает ее длинные

волосы, открывая голые плечи цвета свежих сливок. Название книги «Путешествие Мизери» набрано красными буквами с металлическим отливом.

— А все из-за *этого*. — Он замахивается на нее разорванной книжкой, как взбешенный хозяин замахнулся бы свернутой в трубочку газетой на щенка, который опять сделал лужу на полу в гостиной. — Сколько раз я тебе говорил, что меня просто корежит от этой дряни?!

Правильный ответ: *ни разу*. Она знает, что дело не в книжке. Если бы, вернувшись домой, он застал ее за каким-то другим занятием: скажем, она смотрела бы новости по телевизору, или пришивала бы пуговицу ему на рубашке, или просто дремала бы на диване, — она все равно бы сидела сейчас в углу и истекала бы кровью при выкидыше. Ему было трудно в последнее время. У него были крупные неприятности из-за женщины по имени Венди Ярроу. А если у Нормана неприятности, это значит, что все, кто его окружает, тоже должны страдать. *Сколько раз я тебе говорил, что меня просто корежит от этой дряни?* И не имеет значения, какая именно «дрянь». Он бы нашел к чему привязаться. А прежде чем броситься на нее с кулаками, он бы сказал то же самое: *Иди сюда, девочка. Нам надо поговорить. Очень серьезно поговорить.*

— Неужели ты не понимаешь? — шепчет она. — Я теряю ребенка.

Трудно поверить, но он улыбается.

— Другого родишь. — Он говорит это так, словно утешает ребенка, уронившего на пол мороженое. Потом поворачивается и уносит книжку на кухню. Там он выбросит книжку в помойку.

Ты мерзавец, думает она, даже не сознавая того, что она это думает. Опять взрыв боли. Только на этот раз — не один. Боль шевелится внутри, словно рой кошмарных насекомых. Она вжимается лбом в стену и стонет. *Ты мерзавец. И я тебя ненавижу.*

Он возвращается в гостиную и направляется прямо к ней. Она перебирает ногами по полу, пытаясь втиснуться в стену, и смотрит на него безумными затравленными глазами. На миг у нее в душе поселяется уверенность, что на этот раз он ее убьет. Не просто сделает ей больно, не просто отнимет ребенка, которого она так давно хотела, а действительно *убьет*. Он идет прямо к ней, и в его взгляде есть что-то нечеловеческое.

Он идет. Голова опущена, руки висят по бокам, как плети. На бедрах переливаются мышцы. Сейчас полицейских уничижительно называют легавыми. Но до этого было другое слово. И это слово вспоминается ей теперь, когда он надвигается на нее вот так: голова опущена, руки раскачиваются взад и вперед, как мясистые маятники. Сейчас он действительно очень похож на быка.

Она стонет, мотает головой, перебирает ногами по полу. Один тапок соскальзывает с ноги и остается лежать на полу. Боль снова терзает ее нутро. Врезается ей в живот, точно зубья старого ржавого якоря. Она чувствует, как из нее течет кровь. Но она все равно перебирает ногами. Она не может остановиться. Когда он такой, она не видит в нем человека. Она вообще ничего в нем не видит: только ужасную пустоту.

Он стоит прямо над ней и устало качает головой. Потом садится на корточки и просовывает руки ей под спину и под колени.

— Больно не будет, — говорит он, опускается на колени и отрывает ее от пола. — Главное, ты не дури.

— У меня кровь, — шепчет она и вспоминает, как он говорил по телефону, что не будет трогать ее с места. Потому что ее нельзя трогать с места.

— Ага, я знаю, — отзывается он, но безо всякого интереса. Он оглядывает комнату, пытаясь решить, где именно произошел этот несчастный случай с его женой. Она знает, о чем он думает. Она читает его мысли так, словно это ее мысли. — Но ничего, остановится. Сейчас приедут врачи и остановят кровь.

А ребенка спасти они смогут?! — кричит она про себя. И ей даже в голову не приходит, что если она сейчас может читать его мысли, то и он тоже может читать *ее* мысли. Она не видит, как пристально он на нее смотрит. Но она все равно боится довести свою мысль до конца. Она снова боится произнести это, пусть даже мысленно: *Я тебя ненавижу. Ненавижу тебя.*

Он несет ее к лестнице. Опускается на колени и усаживает ее на пол у нижней ступеньки.

— Тебе удобно? — заботливо спрашивает он.

Она закрывает глаза. Она видеть его не может. Сейчас — не может. Ей кажется, что она просто сойдет с ума, если будет сейчас на него смотреть.

— Хорошо. — Он кивает, как будто услышал ответ на вопрос. И когда она открывает глаза, она видит, что он снова, как это иной раз бывает, впал в то самое состояние, которое можно определить как «не здесь». Как будто он от всего отключается и его мысли бродят где-то в других измерениях.

Будь у меня сейчас нож, я бы точно его зарезала, думает она... но опять же это не та мысль, которую можно додумывать до конца. Не говоря уж о том, чтобы подумать над ней всерьез. На такое она никогда не решится. Это всего лишь глубинное эхо. Может быть, лишь отголосок безумия мужа — тихий, как шелест крыльев летучей мыши во мраке пещеры.

Внезапно его лицо вновь оживает, и он встает, хрустнув при этом коленями. Внимательно изучает свою рубашку. Проверяет, нет ли на ней следов крови. Нет, все нормально. Потом он смотрит в тот угол, где она упала на пол, когда ее скрутила боль. Вот там кровь *есть*. Несколько капель и пара размазанных пятен. Она чувствует, как из нее вытекает кровь. Теперь кровь просто *хлещет*. Кровь пропитывает ее всю нездоровым и жадным теплом. Кровь идет непрерывным потоком, как будто давно дожидалась возможности вырвать ребенка у нее из чрева. Как будто этот ребенок был для крови чужим. Как будто — что за кошмарная мысль — ее кровь сейчас заодно с ее мужем... как будто она заразилась его безумием.

Он снова уходит на кухню. Его нет минут пять. Она слышит, как он там возится, и тут уже по-настоящему начинается выкидыш. Боль переваливает за предел, а потом отпускает — выходит горячей струей вместе с кровью. Она уже не просто чувствует, как течет кровь. Она ее слышит. И ей вдруг начинает казаться, что она сидит в ванне, наполненной теплой и вязкой жидкостью. Типа кровавой подливки.

Его длинная тень вновь появляется на стене в проходе между гостиной и кухней. Он открывает и захлопывает холодильник. Потом открывает дверцу кухонного шкафа (судя по слабому скрипу, это шкафчик под раковиной). Она слышит, как в кухне из крана течет вода. Слышит, как муж напевает что-то себе под нос — наверное, это «Когда мужчина любит женщину»... и тогда из нее выходит ее не рожденный ребенок.

Он возвращается в гостиную. В одной руке у него бутерброд (ну конечно, ведь он же еще не ужинал и ему страшно

хочется есть), в другой — влажная тряпка, которую он взял из ведра из-под раковины. Он приседает в углу, куда она заползла после того, как он вырвал у нее книжку и три раза ударил в живот кулаком — *бах, бах, бах*, убирайся, чужак, до свидания, — и начинает возить тряпкой по полу, стирая капли и подтеки крови. Вся кровь останется здесь, у лестницы. Именно там, где нужно.

Он вытирает кровь и попутно ест бутерброд. Судя по запаху, там у него остатки жареной ветчины, которые она собиралась разогреть с вермишелью в субботу вечером — приготовить что-нибудь незатейливое и поужинать, сидя перед телевизором за вечерними новостями.

Он смотрит на тряпку, которая теперь стала бледно-розовой. Переводит взгляд на пол и снова на тряпку. Удовлетворенно кивает, откусывает от бутерброда большой кусок и встает. Когда он снова приходит из кухни, с улицы слышится вой приближающейся сирены. Наверное, это едет «скорая», которую вызвал Норман.

Он идет через комнату, опускается перед ней на колени и берет ее руки. У нее очень холодные руки, и он хмурится, и принимается ласково их растирать. И говорит:

— Мне очень жаль, правда. Просто... столько всего происходит... эта сука из мотеля... — Он умолкает на полуслове, на мгновение отводит глаза и снова смотрит на нее. Он улыбается, словно извиняясь. Но он не чувствует себя виноватым. *Вот до чего я дошел*, говорит эта улыбка. *Перед кем я оправдываюсь*.

— Ребенок, — шепчет она. — Ребенок.

Он стискивает ее руки, так что ей даже больно.

— Да погоди ты с ребенком. Послушай меня. Они сейчас будут здесь, через пару минут. — Да, «скорая» уже близко. Ее сирена врезается в ночь, словно залиvistый лай невоспитанной гончей. — Ты спускалась по лестнице и оступилась. Ты просто упала. Понятно?

Она смотрит на него и молчит. Боль внутри затихает, и когда он опять стискивает ее руки — еще крепче, чем в прошлый раз, — она это чувствует и тихонько вскрикивает от боли.

— Тебе понятно?

Она смотрит в его запавшие пустые глаза и молча кивает. Она чувствует слабый запах соленой морской воды с привкусом меди. Ей больше не кажется, что она лежит в ванне,

наполненной теплой кровавой подливкой. Теперь ей кажется, что она сидит в луже разлившихся химикатов.

— Вот и славненько, — говорит он. — Знаешь, что с тобой будет, если ты сболтнешь лишнее?

Она снова кивает.

— Тогда скажи мне. *Сама* скажи. Так надежнее.

— Ты меня убьешь, — шепчет она.

Он кивает с довольным видом. Сейчас он похож на учителя, который вызвал к доске самого тупоумного в классе ученика и все же добился от него вразумительного ответа.

— Умница. Соображаешь. И запомни еще: если что, я не сразу тебя убью. *Я такое* тебе устрою, что сегодняшний вечер тебе покажется просто маленькой неприятностью. Типа как палец порезала.

Красные огни «скорой» уже мигают на подъездной дорожке.

Он сует в рот последний кусок бутерброда и поднимается на ноги. Он пойдет к двери, чтобы впустить санитаров, — встревоженный любящий муж, у которого случилось несчастье с беременной женой. Он уже развернулся, чтобы уйти, но она успевает схватить его за рукав. Он глядит на нее сверху вниз.

— Но почему? — шепчет она. — Почему, Норман? Разве ребенок в чем-то виноват?

На его невозмутимом лице мелькает какое-то странное выражение. Похожее на страх. Она решает, что ей показалось. Потому что такого не может быть. С чего бы ему вдруг бояться ее? Или тем более ребенка?

— Это был просто несчастный случай, — говорит он. — Такое бывает со всяким. Я здесь вообще ни при чем. И когда они будут тебя расспрашивать, лучше ты им говори то, что нужно сказать. Иначе ты знаешь, что будет. И да поможет тебе Бог.

И да поможет мне Бог, думает она.

Снаружи хлопают дверцы. Она слышит звуки шагов по дорожке и металлический лязг каталки, на которой ее увезут в машину «скорой» и положат под ревущей сиреной. Он направляется к входной двери, в последний раз оборачивается к ней и смотрит, набывчившись, как он умеет. Его глаза абсолютно непроницаемы.

— У тебя будет другой ребенок. И с тем ребенком все будет в порядке. Ты родишь девочку. Или мальчика. Такого славного парня. Не важно, кто это будет — согласна? — мальчик, девочка... Если родишь мальчишку, мы ему купим бейсбольную форму. Если девочку... — он неопределенно помахивает рукой, — тоже чего-нибудь купим, чепчик там или что. Вот увидишь. Все так и будет. — Он улыбается. Она смотрит на эту улыбку, и ей хочется кричать. Сейчас он похож на покойника, который улыбается лежа в гробу. — Ты, главное, слушай меня. И все будет прекрасно. Надеюсь, ты это усвоила, солнце мое?

Он открывает входную дверь и впускает в дом санитаров «скорой». Говорит, чтобы они поторопились. Говорит, что жена истекает кровью. Они направляются к ней, и она закрывает глаза. Она не хочет, чтобы они разглядели, что творится у нее в душе. Их голоса звучат словно издали. И она уговаривает себя, что они действительно далеко.

Не бойся, Роза. Не переживай. Это всего лишь ребенок. Такой пустяк. У тебя еще будет другой ребенок.

Игла впивается в руку, потом ее поднимают с пола. Она не открывает глаз. Она думает: *Да, наверное, мне не стоит переживать. У меня еще, может быть, будет другой ребенок. И если он будет, я его увезу. Туда, где он нас не найдет. Где этот убийца нас не найдет.*

Но проходит время, и мысль о том, чтобы уйти от мужа, — мысль, которую она никогда не решалась додумать до конца, — ускользает куда-то, как ускользает и восприятие реального мира. Она погружается в сон. Реальности больше нет. Есть только мир сновидений, который становится для нее реальностью. Мир сновидений, похожих на те тревожные сны, которые она видела в детстве. Когда она бежала куда-то как будто сквозь дремучий лес или сумрачный лабиринт, а за спиной слышался топот копыт какого-то огромного зверя — страшного и безумного существа, которое догоняло ее и в конце концов настигало, как бы она ни петляла и ни запутывала следы.

Разум бодрствующего человека воспринимает идею сна и сновидений. Но для спящего нет пробуждения от сна, нет реального мира, нет здравого смысла. Есть только один сумасшедший сон, исполненный кричащего страха. Роза Макклendon Дэниэльс проспала в безумии мужа еще девять лет.